

ПОПРОБУЙ ОБМАНУТЬ ОФИЦИАНТА

– Что? – не понял я.

Я даже оглянулся по сторонам, чтобы убедиться, что обращаются именно ко мне. Но поблизости, к сожалению, никого больше не было – незнакомец лукаво подмигнул и, наклонившись в сторону моего столика, доверительным шепотом подтвердил мои опасения:

– Да-да, ты, кто ж еще?! Ты попробуй, ставлю десятку на то, что у тебя ничего не получится!

Опрятно одетый постоялец с одутловатым лицом пожилой женщины – чтобы не показаться невежливым, я кивнул. Мол, спасибо за предложение, я подумаю. И опять устремил взор свой в тарелку, слегка нахмутив брови, словно вернулся к решению некоей математической задачи, которая мучила меня на протяжении уже многих лет.

– Не хочешь? – разочарованно протянул незнакомец. – Ты только взгляни на него, вон на того официанта. Он же просто развалюха какая-то. Старая развалюха, которой давно уже пора на помойку.

Я вздохнул. После чего улыбнулся ему самой кислой улыбкой, на какую был способен, посмотрел в угол столовой, где официант со светло-желтым ершиком на голове сонно читал свою газету, – и равнодушно пожал плечами:

– Пожалуй, вы правы. Он действительно... несколько пожилой.

– Скажи?! Кажется, что обмануть его можно в два счета, – продолжил соблазнять меня незнакомец. – Но это вовсе не так!

– Возможно, – согласился я. – Наверно, это возраст.

– Чего? В смысле – «возраст»? – переспросил незнакомец.

Почему со мной вечно происходит подобное?! Почему посторонние мне люди искренне считают, что меня могут занимать их проблемы, рассуждения о погоде, жалобы на здоровье, рекомендации достопримечательностей?! Изнутри меня стало наполнять-распирать привычное раздражение, затрещав ребрами и задребезжав в горле, однако я убедил себя не устраивать сцен. Ни к чему это всё, в этом отеле мне оставалось прожить всего лишь один день, и на следующее утро я собирался вернуться обратно в Гонконг, где меня ждали вполне уютная конура и, по меньшей мере, одна из моих любовниц с соблазнительно узким разрезом глаз – сладкая, податливая и, что немаловажно, молчаливая.

– Имею в виду, – стал я сухо объяснять, – что возраст обычно является показателем жизненного опыта, который, конечно же, усложняет любые попытки какого-либо обмана.

– Что за глупость! – громко расхохотался незнакомец, с удовольствием, с равными промежутками, похлопывая ладонью по столу. – Возраст, ага! Скажешь тоже!

Официант поднял на нас, своих единственных клиентов, свой взгляд, неодобрительно покачал головой и вновь углубился в изучение местных скандалов. Я обидчиво отвернулся от собеседника и постарался ускорить процесс поедания яичницы с беконом и гренками. Впрочем, незнакомца мой отстраненный вид ничуть не смутил – отсмеявшись, он шумно придвинулся вместе со стулом к моему столику и стал задумчиво разглядывать меня, от неожиданности поперхнувшегося и закашлявшегося.

– Ну-ну, – примиряюще протянул он, похлопывая меня по спине, – да не обижайся ты так, ну, что ты, в самом деле! Мы ж с тобой похожи, всего-навсего братья по

несчастью, оба застряли в этой дыре и развлекаемся, как можем. Или я не прав? Я прав, знаю, что прав. Я всегда прав.

Я собрался с духом:

– Послушайте, я не очень понимаю, на что вы рассчитываете и что конкретно надеетесь от меня услышать, но, пожалуйста, немедленно забудьте об этом. Я крайне занятой человек, у меня категорически нет времени на какие-либо игры. Я сейчас доем свой завтрак, встану, отнесу тарелку вон к той стойке и отправлюсь после этого в город по делам. Чего и вам желаю.

Незнакомец скептически прищурил свои белесые глаза:

– Врешь ты всё. Нету у тебя дел никаких, ты в этом дрянном городишке наверняка уже вчера со всеми делами разобрался. А встал ты так рано, потому что завтрак после девяти здесь не подают. Так что врун ты, конечно же, никудышный. Но шанс есть. Попробовать стоит. Чего тебе терять? Кроме денег, конечно. Ты просто попробуй. Обмани его. Вон того официанта.

Растерянно уставившись на собеседника, я совершенно не знал, как закончить этот нелепый разговор.

– Михаэль, – благодушно протянул он мне свою руку, видимо, решив, что я всерьез задумался над его предложением. – Здесь по делам фирмы, из Регенсбурга, продаем санузлы и прочие санрадости. Рад знакомству. В связи с чем великодушно даю тебе фору и повышаю ставку. Если сможешь обмануть официанта, получишь от меня двадцатку. Стоящее дело. Будет что рассказать внукам. Когда ты еще за завтрак зарабатывал столько денег?! Ну? По рукам?

Скрипя зубами, я был вынужден признать, что от настойчивого постояльца так легко не отделаться.

– Хорошо, – сдался я. – Что же я должен ему такого сказать?

– О! – обрадовался Михаэль. – Да что захочешь! Главное – чтоб он поверил. Раз и навсегда.

– Например, что я помыл руки перед едой?

– Фу, – разочарованно скривился он, – это мелко. Это грустно и мелко. Это как-то... совсем неинтересно. Где творческий размах, а? Где полет мысли? Ты давай, это, удиви меня.

Пережевывая остатки яичницы, я внимательно оглядел морщинистого официанта, его мятую белую рубашку, галстук-бабочку, бардовые штаны с лампасами и протертыми коленями.

– Двадцатка, значит? – деловито переспросил я.

Михаэль быстро-быстро затряс головой и тихо захихикал, в предвкушении потирая руки.

– Договорились. Особый творческий размах не обещаю, но я постараюсь.

– Уж постарайся! Пожалуйста...

Пока Михаэль взирал на меня как ребенок на витрину автомата, из которого вот-вот посыплются оплаченные сладости, я медленно встал, отнес тарелку к стойке – и, проходя мимо официанта, прохладно тому кивнул. После чего, не оглядываясь, покинул отель и отправился в город.

От дождя, прошедшего этой ночью, не осталось и следа – при этом город не стал чище, он с жадностью впитал влагу как губка и теперь тарашился, набухший, на меня

глупыми своими окнами, подворотнями, настезь распахнутыми дверями и прочими разинутыми провалами. Редкие, в своем неторопливом ритме передвигающиеся прохожие дружелюбно мне улыбались, видимо, окончательно сойдя с ума от тоски в своей провинции и оттого радуясь каждому новому, даже моему небритому лицу. В таких поселениях мне всегда душно; с тяжелой головой я шагал по звонкой россыпи брусчатки и пытался сориентироваться с помощью табличек с удручающе одинаковыми названиями, сотни раз виденными мною в иных местах подобного толка, отчего мне приходилось тормозить самого себя и напоминать, где и с кем назначена встреча сегодня – лишь бы не перепутать. Да, мой случайный собеседник в отеле, увы, ошибался: в этом городе у меня оставалось еще ровно одно дело.

Превозмогая разрастающуюся головную боль, я нашел нужный парк, нужную аллею, нужную скамейку – третью с конца, с видом на темное озеро. Я намеренно пришел сюда на четверть часа раньше, чтобы проинспектировать местность и убедиться в отсутствии слежки, а потому недовольно поморщился, когда увидел на скамейке курящего и с тревогой озирающегося молодого человека, – уже за версту было ясно, что это и был мой клиент.

При виде меня он сразу же отбросил сигарету, подскочил и с надеждой стал вглядываться в мое лицо. Я же ступал, глядя прямо перед собой с самым непринужденным видом, собираясь миновать его и вернуться к назначенному времени. Однако парень в панике забыл о всякой осторожности, шагнул мне навстречу и выпалил выученную наизусть фразу – слишком громко для пустынной аллеи:

– Вы интересуетесь настенными часами с кукушкой, унаследовал от бабушки, жаль продавать, но остро нуждаюсь в деньгах?

Сегодня мне определенно везло на дураков.

– Кукушками не интересуюсь, готов приобрести часы без кукушки, – процедил я сквозь зубы ответный пароль.

Парень – курносый, долговязый, нескладный – с облегчением вздохнул и кинулся, было, меня обнимать; я вовремя успел его остановить и предложил сесть.

Мы находились на одном из последних островков исчезающего, нерасщепленного мира, полного смутных намеков, оттенков и отголосков из прошлого, без разгадок в финале и без ясно различимых границ между правильным и неправильным; здесь в парке, под пепельным небом, уже веяло прохладой, уже сквозь листву отчетливо проступала жирными пятнами давно воцарившаяся, но еще незаметная в городе осень, она дышала распятой между веток, отяжелевшей от росы паутиной, отражалась в недвижимом озере, от которого несло затхлостью и на поверхности которого плавало неподалеку несколько окурков. Наблюдая за воробьями, перепархивающими с одной черной ветки на другую и с той же завидной беззаботностью сменяющими партнеров, я дышал ровно и глубоко, осени в унисон, – перед разговором с клиентом всегда важно выдержать паузу.

– Хорошее место выбрали, – наконец произнес я. – Тихое. Подальше от городской суеты. Хотя какая тут в вашем городе суета...

Весь дрожа от нетерпения, восседающий по левую руку от меня парень был, очевидно, сбит с толку моим поведением, решил, что его таким странным способом пытаются-проверяют, и, придвинувшись ко мне, жарким шепотом поведал, что беспокоиться мне вовсе незачем, деньги он принес, деньги при нем, вот здесь, посмотрите, в конверте, всё сотенными купюрами, как и договаривались.

Не отрывая взгляда от грозных, хотя и будто нарисованных силуэтов деревьев на другом берегу, я меланхолично сунул пухлый конверт во внутренний карман своего пиджака. От неожиданности парень едва не задохнулся:

– Вы что же... даже пересчитывать не будете?!

Я устало-снисходительно ухмыльнулся:

– Молодой человек, расслабьтесь, я вам доверяю. На вес вроде ровно столько, сколько я беру за свою работу.

Парень нахмурился и еле слышно, вкрадчиво забормотал:

– Да-да, как бы всё правильно, верно, я же вас ни в коем случае обманывать не собираюсь... Но только уж и вы... вы же привезли, да? У вас это с собой?

Прежде чем я успел ответить на поставленный вопрос, в конце аллеи появилась худощавая девушка в сизом дождевике – примерно того же возраста, что и мой клиент, где-то двадцать два – двадцать три года. Завидев ее, парень мгновенно смутился и опустил взгляд. Да и девушка, признаться, вела себя отнюдь не лучшим образом – шагая по аллее мимо, она так усердно игнорировала нас посреди безлюдного парка, уставившись в противоположную сторону, что на уровне нашей скамейки всё-таки поскользнулась на прелой листве, испуганно чертыхнулась и, шурша дождевиком, ускорила шаг.

– Тааак, – кисло протянул я, глядя ей вслед.

Парень хотел, было, продолжить разговор, но я заставил его умолкнуть одним движением руки – и не ошибся: буквально через минуту девушка пошла обратно, на этот раз пристально разглядывая верхушки деревьев. Тут уж цвет лица парня стал пунцовым, так что я даже забеспокоился о его здоровье.

– Так, барышня! – строго рявкнул я. – Немедленно прекратите этот балаган и сядьте уже, наконец, рядом со своим избранником!

Перепугавшись, девушка не стала сопротивляться или оправдываться – и тут же покорно опустилась на скамейку.

– Устроили тут, – проворчал я, оглядываясь, – детский сад какой-то...

Теперь они сидели рядышком как на жердочке, слегка нахохлившись, слегка прислонившись друг к другу, и с опаской ожидали последствий своего проступка.

– Понимаете, всё это вообще изначально была моя идея, – не сдержавшись, затараторила девушка – хорошенькая, аккуратная, застегнутая на все пуговицы, просто прелесть. – Идея моя, а деньги-то общие, сумма немаленькая, часть вообще от папы моего, вы же понимаете, мне нужно было быть здесь, чтобы проследить, чтоб всё правильно прошло, понимаете? Мы ведь относительно недавно познакомились, по всем параметрам подходим, живем уже вместе, все говорят – идеальная пара, а у нас как-то ничего не выходит...

От ее звонкого голоса моя головная боль только усилилась.

– Всё это безумно увлекательно, – отмахнулся я, – но абсолютно меня не касается. Да, это, несомненно, против моих правил, да что толку, если я возьмусь вам сейчас объяснять, что дела так не делаются? Что мы договорились встретиться вдвоем, что я здесь многим рискую, что пошел я на сделку лишь потому, что мне показалось, что могу доверять вам, что вы взрослые, ответственные люди... Какой в этом смысл, а? Пусть вашим воспитанием родители занимаются. А мы здесь собрались ради совсем другого. Вот, поздравляю с покупкой...

Я протянул им на ладони две маленькие ампулы с тягучей розовой жидкостью – на одной из них одноглазой рыбкой изогнулся черный символ «инь», на другой белый «ян». Задержав дыхание, парень проворно спрятал нелегальный товар в карман – и выдохнул через рот. Девушка же успела заметить предательскую надпись «Made in China», которая снижала цену за продукт примерно вдвое, и фыркнула:

– Ну, понятно, сделано в Китае, где ж еще...

Парень покосился на нее:

– Мы же говорили уже, это всё, что мы пока что можем себе позволить...

Однако девушке в моем присутствии было неприятно обсуждать их финансовые проблемы, а потому, упрямо передернув плечом, она обратилась напрямую ко мне, несколько вызывающе и свысока, словно знала, о чем говорит:

– И что, это непременно надо именно вколоть? А разве выпить нельзя? Смешать, например, с чаем.

– Чувства?! – ошарашенно переспросил я. – С чаем?! Вы в своем уме?

Парочка смущенно покачнулась, и парень взял девушку за руку, словно в надежде удержать ее от последующих, столь стыдных вопросов.

– Прошу прощения, – я вновь взял себя в руки. – Вырвалось. Стресс. Большое количество заказов. Бесконечные перелеты. Не выспался, в конце концов.

Парочка синхронно закивала – с пугливым пониманием и соболезнованиями.

– Видите ли, – переводя дух, я терпеливо пустился в объяснения, – возможно, мои слова прозвучат как парадокс, и, тем не менее, чувства эти хоть и хрупкие, но сильные. Неправильный прием данного вещества может вызвать совершенно неконтролируемые последствия, например чувства противоречивые – вечером любовь, утром ненависть. Или чувства разной степени силы: вы будете любить партнера всем сердцем, а партнер ваш будет вам лишь симпатизировать. Зачем вам такое? Вам такое не нужно. Так что поверьте мне – исключительно внутривенно и никак иначе. Вы когда-нибудь делали друг другу уколы?

Девушка почему-то покраснела:

– Ну что вы, мы не так давно вместе...

– У меня есть сестра, – заверил парень. – Она медсестра.

– Сестра-медсестра? Она достаточно надежный человек? Ей можно доверять?

Понятное дело, что мой вопрос не имел смысла, – мне эти сведения были неважны, да и не особо любопытны. Но в этой ситуации я не мог лишиться себя удовольствия заставить ребят немного поволноваться и почувствовать груз ответственности: атмосфера конспирации, причастности к некоей тайне, приобретение запретного плода, были частью сделки, иначе клиенты могли бы попросту засомневаться в необходимости расстаться с таким количеством денег. Тут главное было не перестараться, лишь чуть-чуть пощекотать нервы, – и, как и следовало ожидать, парень встревоженно заерзал:

– Ну, она же моя сестра... хочет быть свидетельницей на нашей свадьбе... Правда, однажды она наябедничала на меня, но это давно было. В детстве. Из-за пролитых чернил.

– Из-за чернил? Хмм, ну, ладно, допустим, – после недолгого размышления благосклонно согласился я – к вящей радости парочки. – Пойдет как вариант – за неимением лучшего.

На всякий случай я всё же дал им наставления, как обработать ампулы антисептиком и как пользоваться шприцом, как во время инъекции они оба должны

неотрывно смотреть друг другу в глаза, а затем отправиться спать и провести ночь вместе – по возможности в объятиях друг друга. Упомянул и побочные действия – эйфорию, рассеянность внимания, повышенную потливость. Парочка слушала меня, разинув рты, явно стараясь запомнить каждое слово; в какой-то момент парень даже стал хлопать себя по карманам в поиске бумаги и карандаша, но я остановил его и попросил ничего не записывать.

На прощание я стандартно пожелал им удачи и долгих лет семейного счастья, пожал руки и решительно направился прочь с места своего очередного преступления.

– Подождите! У меня последний вопрос!

Вздрогнув, я обернулся – ну что там еще?! Девушка догнала, запыхавшись, и заискивающе-умоляюще взглянула на меня снизу вверх:

– Простите, я тут просто подумала, еще хотела узнать... Ведь так надо, верно? Это же было правильное решение, да? Вот так это всё и произойдет? И будет как у всех? Именно так, как надо? Чувства и прочее? Жизнь? Так и будет, так и останется, да? Это же теперь навсегда?

Парень не решился подойти; ссутулившись, он опять закурил и напряженно наблюдал за нами поодаль. На мгновение мне их стало жаль – наивные, прекрасные ребята, нынче такие встречаются разве что в укромных уголках этой части Европы, пока еще не тронутых экономическим кризисом и политическими волнениями. Когда-то и я был таким. Впрочем, теперь речь шла о бизнесе и необходимости убедить своих клиентов в качестве запрещенной контрабанды, которую я развозил по миру с риском для собственной жизни. Поэтому я, разумеется, вовсе не собирался никого разочаровывать и признаваться, что всё, мол, на свете преходяще, даже чувства, особенно возникающие благодаря разработкам японских ученых и их китайским подделкам, – даже в области химии никто никаких гарантий дать не мог, и не исключено, что лет через пять эти двое проснутся, с тихим ужасом посмотрят друг на друга и не смогут больше вспомнить, почему всё еще вместе. И тогда они вновь свяжутся со мной – или с кем-то из моих «коллег».

– Да. Это навсегда.

После встречи я часами плутал по городу, скользил, проплывал, с подчеркнутым интересом останавливаясь у витрин книжных магазинов, прячась в сырых подъездах, проявляя неожиданную прыткость и резко перебегая прямо перед покачнувшимися от испуга трамваями, пока не засел за столик в одном вполне пристойном кафе, откуда открывался вид на улицу, по которой я пришел. Я неторопливо пил обжигаящий кофе, жевал холодный пирог со шпинатом и внимательно рассматривал каждого прохожего, с удовлетворением, в итоге, отметив, что на этот раз я всё-таки умудрился избежать преследования спецслужб и прочих организаций, причастных к запрету искусственной любви или, проще говоря, веществ, способствующих возникновению иллюзии романтических чувств. Теперь мне можно было расслабиться, украдкой пересчитать полученные деньги и помечтать о планах по возвращению в Гонконг – головная боль миготнула и прошла, по телу разлилась приятная апатия, и я почувствовал, что смертельно устал. Во всяком случае, я наконец-то заработал достаточно, чтобы позволить себе небольшой отпуск, я определенно заслужил его и мог на какое-то время забыть обо всех шпионских играх, томительных перелетах, дешевых отелях и взятках налево и направо.

Жизнь удалась.

Зевая, предаваясь фантазиям о своей азиатской любовнице, я вернулся в отель под вечер – и первым, что увидел в фойе, были полицейские. Они вполголоса переговаривались у стойки со знакомым мне уже, морщинистым официантом, который обескуражено качал головой, прижав ладонь к губам, словно сдерживая вырывающиеся наружу слова. Я замешкался в дверях, намереваясь сразу же выйти обратно на улицу, но было слишком поздно – официант, завидев меня (и откуда такая зоркость в его-то возрасте?!), стал радостно размахивать руками и показывать на меня:

– Это он, да-да, тот самый, о котором я вам рассказывал!

Я замер и изобразил на лице нечто вроде вопросительной приветливости, пока хмурые полицейские – мучительно долго – шли ко мне через фойе. Я изо всех сил старался сохранять спокойствие, а в моей голове испуганным щеглом уже билась мысль: неужели парочка в парке была всё же ловушкой?! Немудрено, уж чересчур много вопросов задавали, да и наивность их была всех всякой меры... Брошу, всё брошу, всю эту свою дурацкую торговлю брошу, пусть справляются, как умеют, по старинке, пусть притираются друг к дружке, присматриваются, пусть сами рискуют всем и вся, не зная, не отдавая себе отчет в том, насколько могут вляпаться, насколько вообще могут полагаться на неконтролируемые чувства, возникающие из ниоткуда и уходящие в никуда, – дай мне только и в этот раз выпутаться, выйти сухим из воды, дай добраться до дома без приключений!

Пока полицейские внимательно проверяли мои документы, я участливо осведомился, что случилось.

– Беда, беда случилась! – заламывая руки, залепетал подоспевший официант. – Такая трагедия! Даже и не знаю, что делать, у нас такого отродясь не было...

И как по команде, словно в третьесортной театральной постановке, тут же открылись двери лифта, и оттуда возникли две шаблонные фигуры безучастных санитаров – они несли носилки с телом, накрытым простыней. Один из полицейских остановил их и приподнял край бледно-желтой ткани, жестом приглашая меня взглянуть в бескровное, землистого цвета лицо, с закрытыми глазами, но застывшее в странной ухмылке.

– Он позвонил на ресепшен, – нервно икнув при виде трупа, взялся объяснять официант. – Почему-то попросил, чтобы поднялся к нему именно я, а у меня как раз не было времени, я замешкался в столовой, а потом, когда минут через двадцать постучал к нему в дверь, мне никто не ответил, раз за разом, тук-тук-тук, а там тишина, я время от времени подходил, всё стучал, а он всё не открывал, и тут уж я забеспокоился, не случилось ли что, открыл дверь, а там – он... навзничь, на полу... руки раскинул – и глаза в потолок...

Голос официанта задрожал, он спешно извлек из кармана какой-то клоунский, невероятных размеров платок и стал шумно сморкаться.

– Мы предполагаем, – сдержанно сообщил полицейский, открывая блокнот для протокола, – что после звонка у себя в номере покойный по пока невыясненной причине попытался взобраться на шкаф у двери. При этом не удержался и неудачно упал. Несчастный случай – на данный момент это основная версия происшедшего. По предварительным данным он был трезв, следов от принятия наркотических средств на теле не обнаружено, впрочем, вскрытие покажет. На шкафу ни личных вещей, ничего

такого, что могло бы привлечь покойного. Поэтому вся надежда на вас. Вы можете рассказать, что могло бы его подтолкнуть к попытке залезть на шкаф?

– Я? – искренне удивился я. – Почему я?

– Ну как же, – напомнил мне официант, – вы же так весело сегодня смеялись вместе, это утром было, в нашей столовой, помните? Наверно, знаете его, общались, может, он что рассказывал о себе? Может, он уже тогда самоубийство планировал? За завтраком?.. Или я ошибаюсь? Неужели это были вовсе не вы? Но кто тогда? С кем же он там общался?

В ожидании ответа официант растерянно моргал. Тем временем второй полицейский вновь прикрыл лицо Михаэля из Регенсбурга простыней и кивнул санитарам, после чего те, статисты театра смерти, так же безмолвно вынесли носилки с телом на улицу и растворились в городских сумерках.

Я покачал головой.

– Да, вы действительно ошибаетесь. Этого человека я вижу впервые, – соврал я официанту.

И, озаренный воспоминанием, невольно улыбнулся.